

Коллекция Современной Прозы

Елена Соколова
Стратегия судьбы

Коллекция современной прозы

Елена Соколова

Стратегия судьбы (сборник)

«Интернациональный Союз Писателей»

2019

Соколова Е.

Стратегия судьбы (сборник) / Е. Соколова —
«Интернациональный Союз Писателей», 2019 — (Коллекция
современной прозы)

ISBN 978-5-907042-18-6

«Стратегия судьбы» Это реальная житейская история. Течение человеческой жизни на переломе политического строя в стране в 90-е годы. Семейные ценности. Сила и глубина личности, притягивающей счастье. «Я твоё сердце» Это романтическая повесть с вкраплениями фэнтези. Основой книги является повествование о любви: к труду, людям, природе, красоте, душе. Любовь помогает героям пройти через все трудности, оставаясь чуткими, добрыми и прекрасными людьми, а главное – счастливыми.

ISBN 978-5-907042-18-6

© Соколова Е., 2019
© Интернациональный Союз
Писателей, 2019

Содержание

СТРАТЕГИЯ СУДЬБЫ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Соколова Елена Стратегия судьбы

Родилась в г. Ленинграде. Отец заведовал мастерскими в железнодорожном институте. Мать работала в сфере обслуживания в интуризме.

Елена Соколова закончила техникум Связи им. Кренкеля. После его окончания работала в институте Радио и имела перспективу карьерного роста, но рождение детей поменяло приоритеты. Именно работа с детьми, а в дальнейшем не только со своими, общение с многими и многими людьми, вдохновило к творчеству писателя.

Желание дарить полезные истории и предлагать пищу пытливым сердцам.

Книги Елены Соколовой изданы такими известными издательствами, как «Мирт» и «Висон».

Книги очень хорошо приняты читателями. Некоторые из них переизданы.

СТРАТЕГИЯ СУДЬБЫ

Сильный ветер не мог разогнать серые тучи, плотно окутавшие город.

Высотные дома хмурились, наглухо закрытыми окнами по обоим берегам многоводной реки, а сами берега были связаны широким каменным мостом, который безропотно удерживал на себе восемь рядов движущихся машин: четыре в одном направлении и четыре в другом.

Заняться пассажирам, оказавшимся в «пробке» было нечем, если только разглядывать друг друга и пешеходов, которые шли по специально отгороженной для них полосе – дорожке для тех, кто выбирает для себя лучше быстро идти, чем медленно ехать.

Среди пешеходов выделялся своей воинственной походкой юноша в холодной заношенной куртке. Сильные порывы ветра били в лицо и трепали давно не стриженные волосы.

Юноша шел, ссутулившись и плотно сжав кулаки, настойчиво отказываясь воспользоваться теплыми карманами. Он, словно пытался противостоять самой природе и доказать всему миру, что не просто чего-то стоит, а что все рядом с ним не стоят ничего.

Валентина смотрела из окна автомобиля на этого молодого человека, пытаясь угадать, что нужно было сделать с ним, чтобы превратить в озлобленное, всегда готовое к драке существо с не разжимающимися кулаками? Что же хлебнет женщина, которая свяжет свою жизнь с этим человеком. Взгляд молодой женщины потускнел, а воспоминания о своей собственной жизни захватили сознание. Эта липкая паутина, исходящая из недр памяти все еще тянулась и все еще оказывала влияние.

Валя положила свою руку на руку водителя, находящуюся на руле. Обручальные кольца блеснули, мгновенно выхватив своим блеском из паутины прошлого в новую подаренную небом реальность.

Толя сидел возле экрана телевизора. За свои двенадцать лет все, что он смог узнать о жизни, он узнал именно из телевизора. Там были его герои и враги. Относительно увиденного в нем, мерил он поступки и ценности. Собственные сердце и разум не были натружены или натренированы на то, чтобы мыслить самостоятельно и фильтровать все увиденное относительно характеров людей и обстановке, в которой человек находился.

Это было так называемое Советское время, и телевизионные передачи были узконаправленными, воспитывающими зрителя. По телевизору показывали правильных людей и рассказывали о правильной политике внутри страны. Все было понятно. Там. В телевизоре. Оно не вязалось с тем, что происходило вокруг, но давало надежду на то, что есть смысл стремиться к лучшему.

– В магазин идем! Быстро собрался! – подскочила мать и заслонила собой экран. Источник жизни.

– Мам, а ты мне купишь сапоги? Я в войлочных стесняюсь в школу ходить, – спросил Анатолий, стараясь настроить свой грубый, не ровный подростковый голос под тембр, напоминающий нежность или хотя бы уважение. За глаза, в компаниях, во дворе и в школе мать была «мотыгой» и не более. Трудно было бы найти более подходящее слово для определения того, что чувствовал сын, слыша голос матери, долбящей его иссохший мозг, не пропитанный влагой понимания и уважения, как личности...

– Мы идем за рубашкой.

– Рубашку я старую еще могу носить...

Мать не позволила сыну закончить фразу:

– Или ты собираешься, или вообще ничего не куплю. Понял?

Голос матери, голос женщины звенел в ушах, пробивая черепную коробку и сотрясал мозг.

Мальчик беспомощно покорно поднялся с протертого дивана, застеленного дырявым пледом, вышел в прихожую, взял с вешалки пальто с оттянутыми карманами, надел его, медленно застегнул на все пуговицы, медлительностью пытаясь отомстить матери за свою подростковую беспомощность. Нахлобучил шапку из искусственного меха и обул ненавистные войлочные боты.

Толя был послушным мальчиком. У него не было выбора. Он просто не мог быть не послушным. Мама была взрослым человеком, а это означало власть. Быть взрослым, это быть властным. Именно это уяснил для себя мальчик.

Мать торопливо одевалась в прихожей перед зеркалом и крикнула, засовывая под берет завитые локоны:

– А то, стыдно ему. Отец пропивает все. Где я тебе денег возьму? Хоть бы на еду хватило.

Мальчик преодолел робость и попытался возразить: – Но ты же купила вчера себе платье. И рубашку сейчас будешь покупать, а сестре платье. Может, лучше сапоги?

Мать ударила кулаком по тумбе:

– Можешь никуда не ехать! Слышал?

Толя не покорно, но замолчал. Его сестра в этот момент наматывала на себя душный растянутый от неправильных стирок шарф. Наконец, все были готовы выходить.

Возле подъезда компания бабулек, сплетничающих на скамейках, брезгливо проводили взглядом прошедшее мимо них семейство.

К универмагу ехали на автобусе, где котором Толя уселся как можно дальше от мамы и сестры. Мальчик любовался проезжающими мимо автомобилями. Грузовыми и легковыми. Сила. Свобода. Его отец был водителем большого грузовика, и любовь к машинам была естественной.

В магазине нарядные и красивые люди с деньгами вызвали восхищение. Они нарядные и красивые потому, что с деньгами. Анатолий всей грудью открылся настроению шумной толпы. Это счастье! Покупать. Мальчик горящими глазами смотрел на отдел с игрушками и на отдел со спортивными товарами. Мать взяла за руку и привела его в отдел детской одежды, где уже давно крутилась сестра.

Мама подошла к витрине:

– Вот смотри, какая рубашечка хорошая! – и выхватила с вешалки рубашку в горошек, – ее и купим. Она тебе будет хорошо.

– Мам, я не хочу в горошек, – заныл Толя.

– Тогда вообще ничего не куплю! В горошек – это красиво. Ты ничего еще не понимаешь. Ты, Ира, выбрала себе что-нибудь?

Сестра Толи перебирала вешалки с платьями и показала на одно, которое ей очень понравилось:

– Вот это платье мне хочется. Со складками.

Мама подошла к платью:

– Нет. Мне не нравится.

– Но ведь, я же буду его носить, а не ты, – хотела заплакать Ира. Она была старше Анатолия и могла себе позволить более настойчивое противление в адрес мамы.

– А стирать и гладить кто будет? И деньги плачу за него я. Или это вот, – мама вытащила темно синее платье с жутким воротником, – или вообще ничего.

Покупки завернули у кассы в упаковочную бумагу. После этого мама усадила детей на скамейку в проходе, а сама пробежалась по отделам, которые интересовали ее.

Домой она вернулась счастливая. Детей одела и себе на сэкономленные копейки кое-что прикупить смогла.

В провонявшей дымом кухне сидел папа в трусах, закинув ногу на ногу. Он докуривал папиросу. Увидев вошедшее в квартиру семейство, спросил хриплым голосом:

– Что? Опять ходили деньги мои мотать? Ну, показывайте, что купили.

Мама распаковала пакет с рубашкой и платьем:

– Вот. Детям же надо одеваться, – а детям скомандовала, – Мойте руки и за стол!

На столе стояли тарелки с пюре и котлетами. Котлеты Толя не ел. Он их не любил вообще и мрачно разглядывал вилку.

– Чтобы все было съедено! – крикнула мама, демонстрируя мужу свое умение управлять детьми.

Мужа это не интересовало. Он вышел в коридор, где принялся греметь пустыми бутылками, которые запланировал сегодня сдать. Толя поймал момент, когда на него никто не смотрел и наколот на вилку котлету, после чего быстро скинул ее на тарелку сестры. Ира тоже не любила котлеты. Вообще не могла их есть, и скинула котлету обратно Толе в его тарелку.

Мама шумела посудой и не слышала того, что происходило у нее за спиной.

Толя снова воткнул вилку в котлету, а Ира рукой скинула котлету на Толину тарелку, и Толя в ярости воткнул вилку Ире в руку. Раздался Ирин визг.

– Это что такое было? – мама увидела кровь и, дав хороший подзатыльник Толе, закричала, – Откуда жестокость такая? Ты посмотри, что сделал, а? Сегодня не пойдешь гулять. Будешь пол мыть в квартире!

Толя попытался защититься:

– Она сама виновата...

Мать ударила кулаком по столу и гневно проговорила:

– Все! Как я сказала, так и будет!

– Валенька, ты долго будешь еще у телевизора сидеть? – спросила мама свою десятилетнюю дочку, – А что?

– Да так, ничего особенного, только сегодня к бабушке ехать собирались. Ты не забыла?

Девочка вскочила с дивана, выключила телевизор и побежала в свою комнату одеваться, по дороге выкрикивая:

– К бабушке, к бабушке! Мамочка, что мне надеть? Я, наверное, вот эту юбку с пуловером надену, нет вот это платье с жакетом, или... Мама, что мне надеть?

– То, что не жалко коту отдать на растерзание. Ты же его с рук не спускаешь, а потом вся в шерсти кошачьей.

– Точно, точно, – запрыгала на одной ноге Валя, – я надену брюки и пиджак, а папочка с нами едет?

– Папочка твой уже с раннего утра у нее и твой брат тоже. Мебель новую собирают.

Когда Валя с мамой на автобусе приехали к бабушке, Валентина скинула лакированные туфли, пробежала в большую комнату и первым делом включила телевизор, чтобы не пропустить мультфильмы. Бабушка вышла из кухни и крикнула:

– Милая, ты так шустро мимо меня проскочила, что я и не разглядела ты ли это?

– Я. Это точно я, скоро мультики начнутся! – весело крикнула из комнаты внучка и выбежала в прихожую.

Валентина повисла на шее у бабушки и спросила: – А посуду в серванте я буду расставлять?

– Конечно ты. Я без тебя и не возьмусь за это дело. Перемыть уже все перемыла. Так что, как только папа закончит возиться с полками, так ты сможешь таскать посуду.

Валя вбежала в другую комнату, которая была меньше первой. Папа собирал здесь мебель и вкручивал очередной винт в стенку нового серванта. Дочка закружилась вокруг папы:

– Папочка, ну ты скоро уже сервант соберешь? Ты же с утра уже здесь. Неужели это так долго? Нужно было начать с серванта. А где Илюха? Почему он тебе не помогает?

– Доча, – взмолился папа, – пожалуйста, не мельтеши. Такая работа сложная. Почти ни одно отверстие не совпадает, пришлось просверливать новые. А Илья мусор понес на помойку.

Валя крикнула:

– А давай я тебе тоже буду помогать. Бабушка, а где кот? Ой, вон он где! Ну-ка, иди ко мне, толстый перекормыш. Так, папочка, ты мне будешь говорить, что тебе дать, а я тебе буду подавать, – с этими словами Валентина усадила возле себя послушного кота и сгребла все инструменты, разложенные на полу. Папа съехался и неестественно ласково проговорил:

– Отвертку дай, пожалуйста.

– Пожалуйста, – протянула дочка отвертку.

– Нет, не такую, а звездочкой.

Валя принялась перебирать инструменты. Папа спросил:

– Нету, что ли? Может, ворона унесла? – он сел на полу, скрестив руки, и принялся терпеливо ждать. В комнату вошла мама и всплеснула руками:

– Ну, надо же! Сидит и ничего не делает. Мы помешать боимся, а он уже и руки скрестил.

Валя, наконец, нашла нужную отвертку:

– Вот эту?

– Вот эту, – вздохнул папа и принялся вкручивать винт в доску.

В квартиру вошел Илья и, скинув ботинки, направился в комнату, где трудился папа:

– Валя! Ты что тут все инструменты перепутала? Папе теперь не найти будет ничего. Мы с ним раскладывали так, чтоб удобно было брать.

Валя испуганно захлопала глазами:

– А я папе подаю то, что он просит. Папа, я что, все перепутала?

Илья прыснул:

– Ну, неужели папа признается, что ты, его любимая доченька что-то могла перепутать?!

– Папа! – крикнула Валя.

Илья подбоченился:

– Да, папа, ну-ка, кто тебе помог? Я тем, что разложил все инструменты как надо или Валя тем, что сгребла все в кучу и теперь подает?

Папа поднялся с пола и сказал:

– На самом деле, сначала мне помог Илья тем, что все инструменты разложил, а сейчас мне помогла Валя тем, что все инструменты собрала. Пойдемте, поедим. Из кухни уж очень вкусно пахнет.

Семнадцатилетний Анатолий доучивался в училище на автослесаря. Он получал стипендию, а на практике даже зарплату. Наконец-то, со своими собственными деньгами в кармане, мог сам покупать себе в магазине то, что считал приемлемым. Правда, с денег, которые Толя получал, мать отбирала тридцать процентов каждый месяц, заявляя, что по закону сын обязан матери отдавать эти проценты за то, что она его вырастила.

Все свое свободное от учебы и практики время, Анатолий болтался по квартирам своих бывших одноклассников, с завистью наблюдая за отношениями в их семьях и, наслаждаясь чистотой и порядком в их квартирах.

Поздними вечерами просиживал Толя с приятелями в беседке детского садика, который располагался во дворе. Находиться дома желания не было.

В один из обычных зимних вечеров в беседку, как обычно, пришел Валера, одноклассник Толи. Пришел он с девушкой и представил ее всему обществу:

– Это Валентина. Она для меня как сестра родная. А может и дороже. Так, что кто посмеет обидеть, тому достанется.

В одном классе с Валентиной училась младшая сестра Валеры. Таким путем они и познакомились.

Анатолий, что-то странное почувствовал, когда протянул руку Валентине.

Она своей внутренней свежестью и независимостью, счастливостью своей взбудоражила в Анатолии затаенные, не развитые чувства мужественности и запах свободы.

Даже не так, а, правильнее сказать, взбудоражила она желание быть мужественным и свободным. Толя всем своим духом прилип к девушке, как младенец прильнул бы к молочной груди матери, чтобы добыть для своего организма то необходимое для жизни, чего не достает.

Валера пошутил:

– Ну-ка, Валечка, посмотрим, насколько ты была внимательна. Назови по имени каждого из тех, кого я тебе только что представил, – и, скрестив на груди руки, с интересом приготовился услышать ответ, но Валя пожалала плечами и сказала:

– Я привыкла не держать в памяти то, о чем всегда смогу переспросить.

Голос. Ее голос был непередаваемо очаровательным. Низкий, ровный, чистый. Слова проговаривала, словно читала понаписанному.

Ребята с восторгом приняли Валин откат и дружба завязалась. Теперь ни один вечер нельзя было считать удачным, если в беседку не пришла Валя. Для Анатолия каждая встреча с этой девушкой становилась мощным ударом киркой об иссушенную землю сердца, где очень глубоко находился родник, до которого нужно невероятным трудом докопаться.

Валя видела, что парень около нее теряется и приняла это за хороший знак, то есть за настоящее сильное чувство.

Толя набрался смелости и позвонил в квартиру Валентины. Из квартиры послышался собачий лай. Дверь открыл Илья. Большая собака просунула морду и оба, Илья и собака взглянули на Анатолия. Кто-то из них спросил:

– Ты к кому и, что тебе надо?

Анатолий ответил:

– Валю позови.

Илья повернул голову в сторону Валиной комнаты и крикнул:

– Сеструнчик! К тебе.

Валя в джинсах и в клетчатой рубашке вышла из своей комнаты.

– Привет! – сказала она с удивлением в голосе.

– Привет! – ответил Толя, – сегодня масленица. Поедем, прогуляемся.

– Далеко это? – уточнила Валя.

– По всей стране, – ответил Толя.

– Валенька! – вышла из кухни мама, – одевайся тепло. Здравствуйте, молодой человек, И покушай.

Валя сказала Толе:

– Тебе, придется подождать, пока я соберусь.

– Здравствуйте, – ответил Анатолий хозяйке квартиры и расположился в кресле, которое стояло в прихожей. На полированном журнальном столике лежали журналы. Стены в прихожей были обклеены обоями с блестками. Над креслом висели бра, свет от них отражался в блестках, зажигая искры радости в душе. Толя вслушивался в голоса, доносившиеся из кухни. Валя и Илья завтракали и разговаривали.

Валентина поинтересовалась у брата:

– Ты куда сегодня двинешься?

Илья ответил:

– Позвали на день рождения. Им не я нужен, а чтобы на гитаре кто-то побрякал.

– Будешь брякать?

Илья не ответил, а спросил:

– Ничего, что это мой был бутербродик?

– Который? – растерянно спросила Валя.

Илья ответил:

– Которого уже нет. Ты, хоть бы, спасибо сказала за то, что я его так вкусно сделал.

– А, может, это не я его съела.

– Ворона унесла?

– Ну, да. Еще сделаешь?

Илья уточнил:

– С ветчиной?

– Да. А откуда у нас такой кофе?

– Знакомый подарил.

Валя восхищенно сказала:

– А-а-а. Ну, ты береги подарок-то.

Илья спросил:

– А за бутерброд где спасибо?

– Спасибо! – вежливо ответила Валя и добавила, – я побежала. Успехов тебе в твоих бряконьях.

Валентина прошла через прихожую в свою комнату и скоро вышла в тех же джинсах и в пушистом полушубке, сообщив Толе о своей готовности выезжать.

Весело выскочив из квартиры, парочка бодрым шагом направилась к автобусу, который шел до ближайшей станции метро. Ощущение легкости и чистой радости переполнило Анатолия после того, как он побыл дома у Валентины. Обстановка в их семье, их взаимоотношения в атмосфере уважения и доверия, не могли не оставить добрый след в сознании.

Снег кружился и падал на землю. Лучи солнца скользили по снежным сугробам, искрясь в них, словно заигрывая с прохожими. Прохожие не удерживались от искушения подхватить в руки снег и бросить в кого-нибудь или просто вверх, над головами.

Дети выпрыгивали из санок, в которых их катили мамы или папы и падали, наслаждаясь возможностью прикоснуться к кристально чистой красоте. Погрузиться в неё. В ней извлекаться.

В метро, в толкучке Валя и Толя доехали до нужной станции и от нее пешком дошли до парка, в котором их встретили шумные скоморохи:

– Подходите! Сударе и сударыни! сегодня все для вас! Катание на санях, коньки, горячие блины и шашлыки! Не забудьте про вечерний костер!

Валя в ателье проката взяла финские сани и достала деньги, чтобы расплатиться за них, но Толя не позволил ей, сказав:

– Я все оплачу сам.

Валя села в сани. Толя взялся за поручень саней, поставил одну ногу на длинное полотно, второй ногой оттолкнулся и покатил по накатанной дорожке. Вокруг раздавались веселые крики гуляющих горожан. Погода оставалась чудесной. Пушистый снег без усталости обновлял чистоту и красоту зимнего пейзажа.

– Смотри, – крикнула Валя, – ледяная горка!

Сани Толя поставил так, чтобы они никому не мешали и, взяв Валу за руку, помог ей подняться сначала из саней, а потом в гору, на которой толпилась веселая толпа из ожидающих

каждый своей порции удовольствия от спуска с этой высоты. На самой высоте Толя неожиданно для себя обнаружил в самом себе желание быть благородным. Он уступал место рядом стоящим и помогал втянуть в гору сани тем, у кого это плохо получалось.

Когда подошла очередь прокатиться Толе и Вале, они уселись на кем-то выброшенную картонку и с визгом понеслись с горы. Снег летел в лицо. Мимо мелькали лица людей, подбадривающих. Горка закончилась мягким сугробом.

– Здорово! – крикнула Валя.

Толя спросил:

– Повторить?

– Да! – крикнула Валя.

Устав кататься с горы, а вернее, подниматься на нее, парочка вернулась к саням, покорно их ожидающим.

– Поехали к шашлыкам, – предложил Толя – я их увидел, пока мы в гору поднимались.

Очередь за шашлыками отстояли длинную. Замерзли жуть, как, но шашлыки на морозе были, ну, очень роскошным развлечением. Так что пасовать перед такой проблемой, как очередь, было нелепо.

Отстоять очередь и потом еще раз выстоять ее, чтобы купить добавки, было еще более нелепым, и Валя, когда их очередь подошла, заказала сразу два шашлыка себе и два Толе.

Толя достал деньги и не очень искренне развеселился: – Ведь, не съешь же столько!

– Съем, – твердо ответила Валя и с шашлыками отошла к скамейке. Первый шашлык был проглочен в мгновение, но второй на морозе быстро остыл и оказался уже совсем не вкусным:

– Ой, чего-то я не хочу уже. Придется оставить, – расстроилась Валя.

Толя глухо рассмеялся, невесело:

– Я же говорил, что не съешь столько.

– Да, и ладно, вон, собаки доедят, – Валя положила остатки шашлыка под скамейку, – куда поедет? Давай я теперь тебя покатаю.

Толя сел на санки, а Валя принялась толкать их по накатанной дорожке.

Дорожка оказалась слишком накатанной, такой, что в одном из мест санки заскользили боком в сторону широкой канавы и перевернулись, скинув Анатолия. Вот уж, где было весело по-настоящему. Глубокий снег в канаве не позволил слишком уж легко и красиво выбраться на дорогу. Беспомощные попытки Анатолия вылезти из санок рассмешили не только Валу, но и всех, кто проходили мимо, став свидетелями этих клоунских па.

До самого вечера промокшие и замерзшие Валя с Толей праздновали масленицу и не пожалели, что остались до самого конца программы, потому, что, когда стемнело, скоморохи разожгли огромный, заранее сложенный из огромных бревен, костер.

Этот огромный костер оказался потрясающим зрелищем. Люди грелись вокруг него, жгли бенгальские огни и взрывали хлопушки. Очень поздно вечером, возвращались Толя и Валя домой.

– Зайдем ко мне? – предложил Анатолий, когда они вышли из автобуса.

– Зачем? – спросила Валя.

– Так просто, посмотришь, где я живу.

– Ну, только ненадолго.

Поднявшись в лифте на нужный этаж, парочка прошла в квартиру. Затхлый запах старых вещей вырвался на лестничную площадку. Валя шагнула через порог. Она никогда не видела таких ужасных квартир.

– Ты не обращай внимания, – сказал Толя, – мой отец пропивает все, – и, не разуваясь, прошел к двери комнаты и открыл ее ключом.

– Ты закрываешь на ключ свою комнату? – удивилась Валя.

Анатолий ответил жестко со странной ноткой угрозы в голосе:

– Да. Иначе сеструха, когда заезжает сюда, сидит в моей комнате телевизор смотрит. Нечего ей тут делать. Вышла замуж и пусть хозяйничает в квартире мужа.

Анатолий провел Валу в комнату, закрыл дверь и принялся расстегивать на Валентине пуговицы шубки, при этом прильнув губами к Валиным волосам, отчего девушка почувствовала себя очень неуютно и сказала:

– Я домой лучше пойду. Мама переживает.

– Валя, я встаю завтра в десять. Тебя будить? – спросила мама.

– Нет, мамочка. Завтра у меня выходной, – ответила дочка.

Она закрыла дверь в свою комнату, скинула с себя пушистый халат, и в кружевной маечке нырнула под теплое одеяло.

Румяная щечка коснулась мягкой подушки.

– Как я люблю свою постельку! – прошептала Валя.

Вале было пятнадцать лет, уже почти шестнадцать. Она училась в восьмом классе и строила планы на будущее. Было о чем поразмыслить, решая, идти ли в девятый класс или поступать в техникум, приблизив тем самым свою самостоятельную трудовую деятельность.

Через приоткрытое в комнате окно слышалась музыка, доносившаяся из соседнего двора, а под самым окном тихо разговаривали влюбленные. Чуть слышно шуршали шины проезжающих машин.

Весь этот букет звуков создавал атмосферу мира и покоя. Люди отдыхали.

Мысли отяготили сознание Вали, и она незаметно заснула. Электронные часы на стене бесшумно отсчитывали время.

Подчиняясь времени, ночь прошла, а утро нового дня яркими лучами весеннего солнца коснулось Валиных ресниц. Девушка приоткрыла глаза и взглянула на будильник.

– Что? Девять часов?! Ну, просила же меня не будить!

Девушка попыталась снова заснуть, но солнечный свет не сдавался, и Валя, покапризничав, села на край кровати и сунула ноги в мягкие розовые тапочки, которые на днях подарила ей мама, сказав при этом: «Дочка, пусть твоя жизнь будет такой же пушистой и розовой».

На тапочках были вышиты мордочки симпатичных котят. Валя улыбнулась этим мордочкам и направилась в ванную.

Когда Валя привела себя в порядок и пришла в кухню, все в доме еще спали. Спали папа и мама.

Спал младший брат Илья. Спала на коврик большая собака Бинго. Она дышала сладко и глубоко.

Валя прошла почти по самой собаке, но та даже не шелохнулась.

Скоро заурчала включенная кофеварка. Кофеварку эту папа привез из одного из своих плаваний. На запах кофе, разнесшийся по всей квартире, в кухню вошла заспанная мама и сказала:

– Ничего себе! Доченька, у тебя же выходной! Ты почему так рано поднялась?

– Вот такой он у меня мой выходной. Кофе будешь?

– С двойным сахаром. А, вот, тебе не советовала бы день с кофе начинать. Ты же знаешь о своих почках. Тебе диету нужно соблюдать постоянно.

– Тебе кофе в постель? – спросила Валя, не ответив на мамино беспокойство.

– В постели папа отберет, – вздохнула мама, растерянно, пытаясь найти слова, которыми можно было бы убедить дочь беречь себя.

Что-то беспокоило маму и заставляло подбирать нужные слова. Почему так хотелось поговорить, предупредить. Даже не понимая ясно, о чем именно предупредить, и мама осторожно попробовала:

– Доча, ты выросла среди тонких порядочных людей. В чистоте и в красивых вещах и ты не понимаешь, что это маленький остров среди всевозможного беспорядка в этом мире. Выходя на улицу, ты думаешь, что все такие же милые и честные, как и ты, но люди разные. Твоей доверчивостью могут воспользоваться...

В кухню вошел папа:

– Кофеек? Мне без сахара.

– О! Уже пользуются! – возмутилась Валя, – граждане родители, я кофе-то себе варю. А ваш выходной еще не начался. Вы в десять вставать собирались.

– А ты вообще до одиннадцати сегодня спишь, – сказал папа, усаживаясь за стол.

Валя скрестила руки на груди:

– Раз вы такие, то пока не умоетесь, кофе не получите! В нашем кафе фейс контроль.

Папа мгновенно выскочил из-за стола и кинулся в ванную, по дороге пробурчав:

– И слов-то откуда таких набралась «фейсконтроль». Мама растерянно смотрела на дочку, не зная, как вернуться к начатому разговору, но решила, что момент уже упущен и побежала следом за папой.

Валя, под слышавшийся плеск воды, льющейся из кранов, поставила на стол салфетки, сделала бутерброды и расставила чашки с блюдами.

В прихожей на коврик заворочалась собака. Она села, широко зевнула и через дверной проем уставилась на Валью.

Валя сказала собаке:

– Иди, Илью буди. Пусть он тебя выгуливает. Я еще сплю.

Собака лениво поднялась и направилась к комнате, в которой обитал Илья, открыла лапой дверь в комнату, подошла к дивану и положила свою морду на одеяло.

Илья открыл глаза и лениво положил руку собаке на голову:

– Идем, – сказал он и сполз с дивана.

После недолгих собраний и звона ошейника, хлопнула входная дверь квартиры, а когда Илья с собакой вернулись с прогулки, Валя, мама и папа сидели в кухне вокруг стола и смаковали кофе.

Илья фыркнул:

– Как можно начинать утро с такой гадости? Мам, сделай мне какао.

Валя съязвила:

– Тебе со сливками или черный?

– Мне вкусный, – ответил Илья.

Валя допила кофе и поднялась из-за стола:

– Я собрала на стол, а шутник пусть уберет.

– Валя, дочка, – ласково сказал папа, – сегодня будешь болтаться по улицам, заскочи в магазин, купи мне кое-что, я список оставлю под сахарницей. Ко мне старый друг приедет.

– Ок! – согласилась Валя и ушла в свою комнату. Там она удобно устроилась за своим письменным столом и достала из ящика стола дневник. Нужно было произвести запись событий, произошедших за последнее время. Уже в разгаре была весна, а еще и о зиме не появилось ни строчки.

«Все бы может быть, и ничего, – вооружившись шариковой ручкой, начала Валя, – Но лучше бы я не заходила тогда в его квартиру. Это не дом, а сарай какой-то. С порога упираешься в тумбу, заваленную тряпьем и забитую стоптанными ботинками. На скрипящей обшарпанной вешалке висят немыслимые драповые пальто. Потолок в кухне облеплен паутиной, а в комнате прилично выглядит только телевизор. С него даже протерта пыль. Шумная мама

Анатолия назвала меня радостно невесткой и угостила вонючим супом, в котором капуста, картошка и макароны сопротивлялись своему соседству в общем бульоне».

Валя взглянула на свои тапочки и вздохнула:

– Вам бы там не понравилось.

За окном комнаты ясное небо манило на улицу. Валя закрыла дневник, поднялась из-за стола, переделалась в уличную одежду, повесив халат в шкаф, и вышла из комнаты в прихожую.

К входной двери подошла мама:

– Этот мальчик тебе не пара, – сказала она, проникновенно взглянув дочери в глаза.

– Мама, я взрослая, – ответила ласково дочка.

– Это и пугает. Такие люди как он не расстанутся со своей обидой. Они мстят.

– Какие люди? – попросила уточнить дочка.

– Обиженные в детстве. Оскорбленные, – пояснила мама.

Валя насупилась и сказала:

– Я смогу помочь ему.

Мама покачала головой:

– Дочка, не взваливай на себя такой груз. Он непосилен. Тебе пушисто с нами и хочется приключений, подвигов. Любить такого, как Анатолий – подвиг. Только знай, что когда он дорвется до денег, а он до них дорвется, потому как деньги для него решение вопроса самоуважения и уважения в глазах людей, которые с ним не общаются сейчас...

– Мама... – не дала договорить маме Валя.

– Доча, – настаивала на своем мама, – он отомстит тебе самой за то, что ты совершала подвиг, любя его. Он сделает все, чтобы разрушить в тебе уважение к себе самой и докажет, что это он совершил подвиг, связав свою жизнь с тобой и, потратив на тебя свое время. Он обернет тебя. Твою душу.

Валя спросила:

– А если, в порядке исключения, произойдет все по-другому и Анатолий оценит то, что я делаю для него?

– Милая, я хочу тебе счастья. Ты – вся моя жизнь.

– Мама, я просто иду прогуляться. На улице весна. Улыбнись, – сказала Валя и поцеловала маму в щечку.

Из кухни раздался голос папы:

– Список!

Папа выскочил в коридор и протянул листок бумаги с записями и деньги.

Валя вышла на улицу и побрела по краю тротуара в сторону детского сада, в беседке которого собиралась по вечерам молодежь.

– Валя!

Девушка обернулась и увидела Анатолия. Он шел в старой заношенной куртке, сунув руки в карманы. Давно не стриженные волосы развевались на ветру.

– Куда идешь? – спросил он.

– Гуляю. А ты?

– Я к Женьке, он обещал магнитофон продать по дешевке.

Валя взглянула на рваные кеды Анатолия и спросила:

– А магнитофон – это очень важно для тебя?

Анатолий ухмыльнулся:

– Это круто. Я в следующий раз приглашу тебя к себе, и тебе у меня понравится, потому, что музыка будет. Музыка все любят.

Валя сказала:

– Я тишину люблю и шорох листвы и, когда людей слышно, как они разговаривают, проходя под окнами.

– А меня ты любишь? – спросил Анатолий.

Валя рассмеялась:

– Я тапочки свои люблю, а ты к Женьке опоздаешь, пока со мной тут стоишь.

Валя продолжила свой путь к беседке. Через пару минут поднялась на деревянный настил и села на скамейку. Было спокойно и светло. Шорох, нагруженных свежей листвой, ветвей, раскачивающихся в порывах тихого веяния ветра, приятно наполнял пространство. Лучи солнца уже не ускользали, а проникали в почву, даря тепло и радость проснувшейся после зимы растительности. Толстый шмель жужжал вокруг желтого цветка. Валя с интересом рассматривала полосатую спинку. К беседке подошли Паша с Алексеем и Валера.

Валера первым поднялся в беседку и громко сказал: – Сажу дома, смотрю в окно, вижу, ты к беседке идешь, ну я тоже на улицу мигом собрался. Привет!

– Привет! – перехватил приветствие Паша, тоже поднявшись в беседку. И добавил, – Валя, как наживка.

– Приманка для косяка, – подхватил Алексей.

Валя, дав возможность каждому высказаться, сказала тихо, стараясь не напугать шмеля, продолжающего жужжать и копошиться в желтом цветке:

– Вам всем шуточки, а я не могу решить что с учебой делать. В девятый класс идти или в техникум поступать пробовать? Правда, классная моя заявила, что в техникум я не поступлю, а мама моя сказала, что если я не прекращу растрачивать свое время на беседку, то меня только дворником возьмут. Думаю, стоит ли мне тогда вообще учиться?

– Конечно, стоит! – ободрил Алексей Валу, и уселся на скамейку, – знаешь, какая сейчас техника для дворников появилась? Не сразу разберешь какой рычаг для чего.

Паша подхватил тему:

– Теперь я понял, что именно буду конструировать! Паша известный на всю округу изобретатель. В его доме все на кнопках через пульт управляется. Даже ящички выдвигаются сами, а из стены полочка с конфетами появляется.

– Я посвящу свою жизнь внедрению технологий, облегчающих работу Вали, то есть, дворников.

– А я, – сказал Валера, – запущу в производство духи, способные перебить профессиональный дворничий запах. Рукавицы свои тебе подарю.

– С красным бантиком, – сказал Паша, – ну, чтоб, красиво было. И на метлу привязать бантик нужно будет. Это же для Вали...

Валя всех выслушала со свойственным ей терпением и очень обрадовалась рукавицам.

Валера почти каждый день зимой приходил к Вале на школьное крыльцо во время большой перемены. Валя выходила в одной школьной форме на мороз и погружала руки в эти прогретые Валериными ладонями меховые рукавицы.

Валя сладко вздохнула и сказала:

– Спасибо вам, ребята, а замуж меня кто-нибудь возьмет дворником?

Ребята замолчали. Паша прервал молчание:

– О! Виталий идет. С гитарой.

Валя повторила свой вопрос, а Валера сказал: – Может, все-таки, в девятый класс пойдешь?

В беседку поднялся Виталий. Все пододвинулись, освободив место на скамейке. Виталий сел и нежно улыбнулся Вале:

– Добрый день, Валенька! Ты почему такая серьезная?

– Меня замуж никто не берет, – ответила Валя.

Виталий по-отечески подмигнул:

– Да, стоит ли об этом печалиться? Подумаешь, всю жизнь одна проживешь? Хочешь, я тебе песню спою?

Виталий провел ладонью по струнам и все притихли. Песня зазвучала не замысловатая, но такая искренняя!

Виталий закончил петь и уже просто бренчал. К беседке подошла Валина подруга Катя. Сложив губки бантиком и, кокетливо поморгав глазками, она сказала:

– Ой, Виталечка, как ты хорошо поешь! Пройти мимо невозможно.

– А ты попробуй, – грубо предложил Паша.

Катя сделала вид, что не услышала и сказала Валере:

– Ты такой красивый! Я только на тебя смотрю все время...

Катя слащаво улыбнулась, а Валера, не скрывая раздражения, сказал:

– Знаешь, если б здесь не было Вали, я бы тебя далеко послал.

Катя фыркнула:

– Валя, и что ты с ними вообще сидишь здесь? Пойдем отсюда.

Алексей аж, привстал со скамейки и ответил за Валю:

– Ты шла куда-то? Иди дальше.

– Да, Кать, продолжай свой путь, не останавливайся. Иди до конца. Не сдавайся, – вдохновил Катю Паша.

Когда Катя, поморгав накрашенными ресницами, ушла с высоко поднятой головой, Виталий спросил у Вали:

– Что ты с ней общаешься?

– Одной по школе слоняться? – спросила Валя.

– Лучше уж одной, – ответил Валера, – да, и учиться в школе нужно, а не слоняться по ней, если хочешь, чтоб тебя замуж взяли.

Валя вздохнула:

– Пора бы к дому двигаться. Учебники нужно полистать. Экзамены скоро, а я ни бум-бум.

Паша улыбнулся:

– Тебя и с этим нибумбумом любят.

Валя сказала:

– Ага, а жениться не хотят, – и поднялась со скамейки, сунула руки в карманы пиджака, а в кармане зашелестели деньги. Валя вскрикнула:

– Ой, мне же в магазин нужно зайти. Папа просил. Всем, тем более, пока!

Валя вышла из беседки и направилась в Универсам, а в Универсаме, взяв корзинку, вернула папин список: «лимоны, круглый хлеб, яйца, печень трески, мышеловка...»

Валя остановилась посреди магазина и уставилась в список, прочитав несколько раз: «мышеловка, чернила для печати денежных знаков...»

Догадавшись в чем дело, Валя присмотрелась повнимательнее и обнаружила различие в почерке. Это Илья незаметно для всех приписал в папин список кое-что. Дополнил список. Валя с листком в руке стояла посреди магазина и с трудом сдерживала смех.

– Девушка, вы если не берете ничего, то дайте другим подойти к товару, – оттолкнула Валю какая-то старушка.

Валя шагнула от стеллажа с фруктами. Пройдя по Универсаму, набрав товар и оплатив покупку, девушка вышла из магазина.

Не спеша шла она к дому, шурша пакетом с продуктами. Навстречу ехала легковая машина и Валя, впечатленная маминым рассказом о грозном мире, наполненном непорядочными людьми, представила себе страшную, или тревожную картину: вот, идет она, а машина эта останавливается, дверь распаивается, выскакивает из машины мужик, втаскивает доверчивую Валю в машину и увозит...

От такой фантазии стало не спокойно, а машина действительно остановилась, когда поравнялась с Валею. Дверь машины действительно открылась, и из машины... выскочил мужик. Валя оцепенела и заморгала глазами. Мужик, раздраженно, спросил:

– Девушка, вы не подскажите, где здесь четырнадцатый дом? Все дворы объездил...

Валя, словно, проснувшись, показала рукой в сторону четырнадцатого дома, после чего быстро направилась к своему подъезду, решив, что нечего «ворон считать».

Дома было шумно от дружного смеха мамы, папы и, приехавшего папиного друга по работе, некоего Ивана Ивановича. Все сидели в комнате вокруг накрытого стола.

– Это дочка твоя? – спросил гость, увидев Валу, – это значит, с ней вы по всем родdomам носились, как оглашенные?

– Так, без прописки нас не брали нигде, – напомнил другу папа, – я из Мурманска только вернулся, документы еще подать не успел, а жена подождать не могла со схватками.

– Красивая у тебя дочка, – улыбнулся Иван Иванович и обратился к Вале, – В девятый класс пойдешь или профессию уже выбрала?

Валя ответила:

– Профессию не выбрала и в девятый класс идти не хочу... Мама дворником предлагает.

– А папа как? Одобряет? – серьезно спросил гость.

– Папе все равно, он только своим сыном занимается, – ответила Валя.

Отец, аж подпрыгнул в кресле, и задышавшись от негодования, выпалил:

– Да, как же так можно говорить? Неправду такую! Еще другу моему! Я, Иван всю жизнь мечтал на гитаре играть, ты же помнишь?

– Так, ведь и играл, мы всей командой подпевали, – подтвердил Иван Иванович...

– Это не то! Илюха – талант. Я с пеленок занимаюсь с ним, а сейчас он школу музыкальную заканчивает.

В разговор вступил Илья:

– И закончил бы с отличием, если бы папочка мой не проводил все свое свободное время со своей любимой доченькой!

– Да, я же, – растерялся папа, – и с дочей, и с сыночкой..., тьфу, с сыночкой...

Илья ухмыльнулся:

– О чем я и говорю. Дочка то и так хороша, нет нужды в ней способности отыскивать, а я такой, что хоть игрой на гитаре откуплюсь перед народом окружающим.

Иван Иванович рассмеялся от души и сказал:

– Да, хорошо, когда дети за сердце отца сражаются, а вот мои ничего от меня не хотят. Не лезь, папаня, не вмешивайся и тому подобное. Что нужно сделать, чтобы тебя в твоём доме любили, а? Кто подскажет?

Наступило молчание, которое нарушил папа:

– Валя, а я тебя в магазин просил, между прочим, сходить!

– Папа! А я в магазин-то сходила! Только мышеловок не было, – ответила Валя.

– Каких мышеловок? – испугался папа.

– Которые ты в список покупок внес.

Илья резко поднялся из-за стола:

– Скоро конкурс по музыке, пойду, позанимаюсь, – и вышел.

– Я тоже пойду в свою комнату, – откланялась Валя и тоже вышла.

– Какие мышеловки? – растерянно пробубнил папа.

С продвижением весны, солнце становилось все смелее и все на большее время задерживалось над землей.

Валя вернулась домой из школы. Мама в дверях, раздраженно сказала:

– Твои уже сидят под окном на жердочке. Ждут. Когда-нибудь неприятностей приобретем себе. Каждый день под окнами.

Дочка подошла к окну в кухне и увидела, что на заборе детского сада сидели Валера, Паша, Леша и Виталий.

Валя помогала им рукой, ушла в свою комнату и скоро услышала с улицы доносившийся хохот.

Девушка выглянула в окно и увидела, что парни лежали все на земле вверх ногами, а сломанное звено забора валялось под ними.

Валя рассмеялась и быстро поела, переоделась и вышла на улицу.

– Даже поесть некогда, – проворчала мама вслед.

Когда Валя подошла к садику, ребята уже поднялись и, придерживая друг друга, не переставали хохотать.

– Сейчас на авторалли едем, – объявил сквозь смех Алексей.

– Чехи приехали, – пояснил Паша.

– Отлично! – сказала Валя, – а интересно, я с вами на авторалли могу пойти, а вы со мной на балет пойдете?

Паша спросил:

– Мы едем или фантазировать будем?

Валя:

– Мы едем. И фантазировать будем. А еще вопрос: Толя где?

– Толя после училища подкатит. Опоздает, – ответил Валера.

На место, где проходили гонки, Валя с ребятами приехали на метро. Из метро, на нужной станции, двигалась толпа народа, жаждущего увидеть чехов, громивших машины.

Зрелище, которое устроили гонщики, действительно стоило того, чтобы его увидеть. Опасные для жизни трюки заставляли народ визжать и охать.

Валя хлопала в ладоши каждому удавшемуся трюку.

– Вон, Толян идет! – крикнул Валера и принялся махать рукой куда-то в толпу.

Через пару минут рядом с Вале́й хлопал в ладоши и выкрикивал «Вау», Анатолий.

Уже под конец шоу, один из гонщиков весело, с акцентом обратился к толпе зрителей:

– Сейчас мы приглашаем девушек прокатиться!

Гонщик прошел поперек трека и подошел к Вале, чтобы заманить ее в свою машину.

Валя улыбнулась и растерянно спросила у ребят:

– А что? Может, попробовать? Рискнуть?

– Не бойся! – подзадоривал гонщик.

Валера и Паша грозно взглянули на гонщика, а Виталий сквозь зубы процедил:

– Не там ищешь.

Гонщик отошел от Вали и принялся агитировать других девушек. Две девушки согласились и сели в машины. Дверцы захлопнулись и машины рванули с места.

На огромной скорости пролетели машины три круга по треку, затем опрокинулись на бок и проехали на двух колесах. После остановки с грохотом встали на четыре колеса и дверцы открылись.

Какими вышли девушки, нужно было видеть. Чехам было весело, но настроение у зрителей, сочувствующих участницам шоу, было испорчено, и все начали расходиться. Направились к выходу и ребята.

Доехав в метро до нужной станции, сели в автобус, который подходил прямо к Валиному дому. В этом же автобусе ехала откуда-то Валина классная руководительница. Валя поздоровалась с ней и уставилась в окно.

Вдруг, Валера вскочил с сиденья и заслонил собой окно, в которое смотрела Валя.

Девушка приподнялась, чтобы разглядеть, что там за окном, но Паша закрыл ей глаза рукой. Когда Валя обиженно взвизгнула, что с ними такое, Виталий ответил:

– Авария там такая, что тебе лучше не видеть.

Классная руководительница не сводила глаз с Валентины.

Доехав до нужной остановки, и покинув автобус, ребята проводили Валю до дома. Как только дверь квартиры открылась, к Вале подскочил Илья:

– Собака хочет гулять.

Валя без вопросов пристегнула собаке поводок и вышла на улицу. Бинго обнюхал во дворе все кусты и деревья и, вдруг, рванул мордой в сторону прохожего, из сумки у которого торчал батон.

Прохожий не стал оспаривать у огромного пса права на батон, в одно мгновение оказавшийся в зубах у этого пса.

Валя попыталась извиниться, но прохожий слишком скорым шагом ушел.

Бесстыжего Бинго Валя ругала всю дорогу обратно к дому и в лифте, пока они поднимались на свой этаж.

Двери лифта раскрылись а на площадке ждала лифт женщина с ребенком, которому было годика три. Мама этого малыша, увидев морду огромного пса, упершюся прямо в лицо ребенка, замерла от страха, а ребенок мило улыбнулся, поднял ручку и указательным пальчиком ткнул собаку в ее влажный нос, весело сказав:

– Ав- ав!

– Ну, да, выговорила мама малыша, – правильно. Это собака.

– Бесстыжая и наглая, – сурово добавила Валя.

Уже дома, пока счастливый пес объедал батон со всех сторон, словно косточку, Валя продолжала ругаться:

– Стыдхуа какая! Никогда больше не стану этого наглого пса выгуливать! Тебя Илье покупали, пусть он за тебя и отвечает!

– Что случилось? – спросила мама, выглянув из кухни.

Валя пылко ответила:

– Бинго этот нахальный взял и батон у бедного прохожего выхватил. Я от стыда не знала куда спрятаться.

– Би-инго... – покачала головой мама, – ну и как же тебе не стыдно?

Бинго, набив полную пасть булкой, виновато смотрел на всех, прижав морду к полу.

Во входной двери забренчал ключ и через секунду в квартиру вошел бодрым шагом папа. Он скинул пиджак, повесил его на плечики в прихожей, причесался, мельком глянув на себя в зеркало, и направился в сторону кухни. Проходя мимо Бинго, папа деловито спросил у всех:

– А чего вы над собакой издеваетесь? Булку в сухомятку ест бедный, хоть бы просто-квашки ему налили. Иди мой хороший песик, я тебе вкусно сделаю.

Собака с преданным выражением в глазах послушно зашагала к кухне, и вскоре стала с наслаждением прислушиваться к хлопкам дверцы холодильника.

Но Валин голос прервал наслаждения собаки:

– Ты собаку прикармливаешь, а батон-то добыт посредством грабежа, между прочим!

Отец даже не собирался верить такой неправде и сказал собаке, поджавшей хвост:

– Ешь спокойно. Женщины любят все преувеличивать. Чтобы мой Бинго стал грабителем? Не поверю этому никогда.

В школе на следующий день после случайной встречи в автобусе, классная руководительница, учительница по алгебре и геометрии, к огорчению Валеры, ждущего на крыльце, оставила Валю на большой перемене для серьезного разговора:

– Тебе не стыдно разъезжать по городу в толпе гопников? Я о тебе такую характеристику напишу, что тебя ни в одну путягу не возьмут, не то чтобы в техникум или в девятый класс.

– Спасибо Вам, – ответила Валя, – вы не жалеете времени на своих учеников.

Классная руководитель, возраста примерно Валиной мамы, сморщила нос и принялась долго и напористо разглагольствовала о морали и добрых нравах, о правилах приличия и о тургеневских женщинах и еще о чем-то из темы опасного возраста.

Сама она была очень не красивая и неустроенная. Когда прозвенел звонок на урок, одноклассники вошли в класс, заняли свои места, а учительница все не заканчивала разговор и, наконец, закончила:

– Сейчас ты дашь мне свой дневник, и я твоим родителям напишу, чтобы они знали, чем ты в свободное время занимаешься.

Валя вежливо ответила:

– Мне ещё в первом класса объяснили, что дневник для оценок. Что это мой документ, а в документах нельзя рисовать рожицы и приписывать лишние слова.

– Я не начну урок, пока ты не положишь дневник мне на стол! – рассвирепела учительница.

Валя молчала и, когда времени на молчание было потрачено слишком много, учительница выкрикнула:

– Выйди из класса! Уродина! Войдешь через десять минут!

Валя вышла из класса. В пустом коридоре у окна стоял Валера. Валя очень обрадовалась, увидев его, и спросила:

– А что ты здесь делаешь?

Валера ответил:

– Ты на перемене не вышла, я решил выяснить, в чем дело. Хотел тебя дождаться, чтобы на следующей перемене выловить.

Валя рассказала Валере о разговоре с учительницей. Валера выругался и сказал:

– Она ревнует и завидует.

– Да, брось ты, она взрослый человек! Да и делить нам с ней нечего. Она меня уродиной назвала перед всем классом, – горько вздохнула Валя.

Валера весело рассмеялся и, заглянув Вале в глаза, очень ласково, по-отцовски, сказал:

– Она ревнует и завидует!

Валя спросила:

– А времени сколько уже? Десять минут прошло, пока мы тут?

– Прошло.

– Тогда я пошла в класс. А то меня только на десять минут выгнали.

Валя открыла дверь в кабинет и сказала:

– Десять минут уже прошли.

С этими словами она села на свое место. Классная в это время объявляла оценки за самостоятельную работу, которую все сдали на прошлом уроке. Валя списала эту работу с Риты, с соседнего ряда.

Очередь в журнальном списке дошла до Валиной фамилии и учительница, объявив о поставленной четверке, сказала:

– Только я не верю, что ты сама решила. Сядь за мой стол и реши снова. Если справишься, то четверку выставлю в журнал.

– А почему не пятерку? – спросила Валя, – у Риты пятерка.

Классная не милостиво, почти что прошипела, а не проговорила:

– Села за мой стол и молча взялась за работу!

Валя послушно поднялась из-за парты и села за учительский стол лицом к классу. Все одноклассники сочувственно посмотрели на Валу, которая даже не попыталась вникнуть в условия заданий, зная, что решить все равно не сможет. Классная дама принялась разглагольствовать по новой теме, а Валя увидела, что из классного журнала торчит уголок листка бумаги.

За этот уголок Валя незаметно выдернула весь листок и быстро переписала на него условия заданий. После чего листок этот был отправлен на ряды парт. Очень скоро листок с уже решенными заданиями вернулся к Вале на учительский стол, и Валя аккуратно и добросовестно переписала все с него на лист, который ей выдала учительница.

Когда Валя справилась со своей задачей, она спокойно сказала, незаметно спрятав присланный ребятами листок:

– Я закончила, – и отдала классной руководительнице выполненную самостоятельную работу.

Учительница взглянула на листок и очень удивилась:

– Правда, другим способом, но решила правильно. Странно. Четверку поставлю.

– А почему не пятерку? – спросила Валя, усаживаясь за свою парту и замолчала, увидев на тетради большую шоколадную конфету «Гуливер».

Валя весело посмотрела на отличника Мишу, который сидел на соседнем ряду, слева от нее. Он часто приносил для Вали конфеты и, когда угощал ее ими, то очень нежно смотрел в глаза и не произносил при этом ни слова.

Когда прозвенел звонок на перемену, классная, от которой не ускользнул поступок Миши, в отместку ему, не отпустила всех ребят и продержала до самого звонка уже на следующий урок – немецкого языка.

Прошло всего минут десять от начала урока немецкого языка и в дверь класса постучались. Учительница немецкого языка вышла в коридор, после чего вернулась и вежливо обратилась к Вале:

– Валя, там к тебе пришли. Просят, чтобы ты вышла.

Валя выскочила из класса и, увидев в коридоре Пашу с Лешей, принялась их отчитывать:

– Вы что делаете?

Паша сказал:

– Ты на перемене не вышла... Мы ждали.

Валя распылилась:

– Меня алгеброичка уже ненавидит! А вы еще во время урока приходить начните! Меня и в дворники не возьмут из-за вас!

– Да, не переживай, в дворники-то возьмут...

Валя жестко сказала:

– Все! Занимаюсь учебой и сижу по вечерам дома! Буду учиться вышивать крестиком в свободное время!

Алексей удивился:

– И сегодня не выйдешь?

– Нет, – ответила решительно Валя и вернулась в класс.

В классе Валя сдвинула брови, устремив сосредоточенный взгляд на доску, на которой еще ничего не было написано.

Когда уроки закончились, Валя вышла из школы и на крыльце никого из ребят не увидела. Она бодро и радостно направилась к дому, но проходя через школьный стадион, услышала непонятно откуда многоголосый крик:

– Ва-а-ля-а! Ва-а-ля!

Валя осмотрелась по сторонам и увидела своих ребят на балконе тринадцатого, последнего этажа недостроенного высотного дома. Валера, Паша, Виталя и Алеша махали Вале руками и кричали:

– Мы больше не бу-у-удем!

Валя посмотрела на заинтересовавшихся происходящим людей вокруг себя и, чтобы поскорее прекратить «бесплатное кино», примирительно помахала парням рукой. С балкона

раздалось громкое «ура», и Валя очень быстро зашагала к своему дому. Ребята догнали Валю уже возле подъезда.

Возле подъезда стоял Анатолий и почему-то, сурово взглянув на подбежавших ребят, сказал Вале:

– Я хочу пригласить тебя к себе.

Валя ответила: – Переоденусь.

Валера встревожено уточнил у Вали:

– Ты уверена, что тебе это надо? К Анатолию.

– Не знаю, – растерянно ответила девушка.

– Ты же вышивать хотела, – заметил Паша, – крестиком.

Валя оставила ребят на улице, поднялась на лифте в свою квартиру, переделась и снова из квартиры вышла. Лифт был занят.

Валя нажала на кнопку и стала ждать. Лифт открыл двери и на лестничную площадку из лифта вышел Илья. Увидев, что сестра куда-то уходит, спросил высокопарно:

– А твой отец знает о твоих планах уйти из дома?

Валя улыбнулась:

– Вы все сговорились что ли сегодня?

Илья решил поумничать:

– Просто, я считаю, что родители имеют право знать, как свое свободное время проводит их любимая дочь...

Валя не дослушала. Она скрылась в лифте и нажала кнопку первого этажа.

На улице у подъезда терпеливо ждал Анатолий. Ребят уже не было. Всю дорогу к своему дому Анатолий молчал.

Дома у него никого не оказалось. В его комнате было на редкость чисто. Анатолий включил музыку, посмотрел на Валю преданными глазами и проникновенно сказал:

– Я люблю тебя. Я боюсь тебя потерять.

– Откуда такая уверенность, что все должно теряться? – пожала плечами Валя.

– Подари мне другую уверенность, – шепотом проговорил Анатолий.

Он подошел к Вале совсем близко, взял ее за руки и прошептал уже в ухо:

– Я люблю тебя.

Валя отстранилась.

Толя положил свои руки к ней на плечи и сказал:

– Я знаю, что ты любишь меня.

Он напористо принялся целовать Вале шею и горячо дыша, проговорил:

– Не бойся быть со мной.

Толя выглядел взросло. А взросло, значит властно. Его желание обладать Валей было непоколебимым. Он не ждал согласия, он брал то, что хотел, чтобы оно принадлежало ему.

Валя увидела в этом мужественность. Уже много-много позже она поймет, что дело не в мужественности. Что Толя вцепился в Валю, увидев в ней ту, которая сделает его мужественным и придаст ему вес, но сейчас все принималось за любовь и называлось любовью, и Валя верила, что это то самое. Настоящее.

Прикосновения рук, красивое раздевание и первая постель под тяжелым, рваным ватным одеялом, прикрытым неизвестно откуда списанным больничным пододеяльником с зелеными штампами, было сладким сном и настоящей сказкой. Играла спокойная музыка из ненового магнитофона...

После всего совершившегося Валя уже просто не могла не принадлежать Анатолию, который так эффектно и так решительно ее, Валю взял.

Теперь действия прокрутились в обратную сторону, то есть, после одевания и убирания постели, влюбленные спускались в лифте и там, в лифте продолжали целоваться. Двери лифта раскрылись, Валя и Анатолий не вышли на лестничную площадку.

Двери, угрожающе завывали, и Валя, все же выскочила из кабины. Вслед за ней попытался успеть выпрыгнуть Толя, но двери закрылись, почему-то не отпружинив, встретив препятствие в виде человеческой головы, и голова оказалась зажатой между этими самыми дверьми.

Это оказалось довольно болезненным моментом, а потому, как нужную кнопку на пульте найти стало не просто, по причине зажатости головы, то и болевой момент затянулся. Когда все же нужная кнопка была найдена, и двери раскрылись, разъяренный Толя набросился на Валу, напрочь позабыв о тех радостях, которыми она одарила его только что там, в квартире, буквально десять минут назад:

– Ты разве не видела, что я не успеваю? Не могла уже дожидаться, когда двери закроются, чтобы нам вместе выйти? Голову мне так больно зажало!..

Валя не смогла всерьез принять произошедшее и весело смеялась. Анатолия смех Вали привел в неистовство:

– Что смешного? Человеку больно, а ей смешно! Ты как моя мать! Та вечно над всем подшучивает!

Под нестихающее ворчание Толи, Валя дошла до своего дома. В этот вечер она добросовестно выполнила домашнее задание, вымыла посуду и даже пропылесосила. Валя чувствовала себя настоящей женщиной. Отец внимательно наблюдал за дочерью и горько вздохнул, когда все понял.

Он ничего не сказал своей жене, Валиной маме.

Отец стал необыкновенно ласковым с дочерью, взяв на себя вину за произошедшее.

Закончился учебный год. Пришла пора сдавать выпускные экзамены. Экзаменационную контрольную по алгебре поставили в расписании первой. Валя получила за эту работу тройку, хотя списала ее на пятерку. По непонятной причине учительница не объявила все оценки за контрольную, сославшись на то, что еще не все работы проверены. Между экзаменом по алгебре и следующим экзаменом по литературе у Вали был свободный день, потому, как к этому экзамену готовиться ей было ни к чему, и Валера пригласил Валу к себе домой послушать новый диск, который ему дали на время. Диск был фирменный, прямо из Америки. Знакомые фарцовщики дали послушать.

Валера с Валею шагали по асфальтовой дороге, которая еще не успела просохнуть после дождя. В неглубоких чистых лужах отражались жилые дома с открытыми окнами. Жители домов намывали рамы, радуясь солнечному свету и предоставляя возможность этому свету поступать в комнаты с наименьшими потерями, то есть, через чистые стекла.

Валерины ботинки и Валины туфли ритмично отчеканивали шаги. Спокойствие, которое отражалось в глазах молодых людей, еще ничего не знающих о взрослой жизни, сливалось в одну гармонию с надеждой, принесенной в город нежной и трепетной весной.

– Анатолий себе магнитофон купил, я могу попросить его переписать твой диск на кассету, – сказала Валя.

– Можно подумать, что только у Толяна есть магнитофон, – вспыхнул Валера.

Валя рассмеялась:

– Тебе когда нужно будет диск отдать?

– Послезавтра. Увидишь какое качество, ахнешь!

– Ой, смотри, девчонки на скакалке прыгают. Обожаю скакалку, особенно, когда двое крутят – один скачет!

Валера и Валя поравнялись с компанией девочек лет девяти, две из которых раскручивали длинную скакалку и ждали, когда под нее впрыгнет их подружка. Девочка не решалась впрыгнуть и раскачивалась, пытаясь попасть в нужный ритм.

Валя покачала головой вперед и назад, просчитав подходящий момент и впрыгнула под скакалку. Девочки развеселились и стали раскручивать скакалку быстрее. Валя не сбилась, а к ней запрыгнула еще одна девочка и вместе они довольно долго продержались, пока не устали те девочки, которые скакалку раскручивали.

Валера оценил:

– Здоровско!

– Я всегда в этом деле была лучшей! – похвасталась Валя.

Когда Валера и Валя вошли в Валерину квартиру, в коридоре они увидели кучу обуви.

Валера присвистнул:

– Чо это тут?

Проходить в комнату Валеры нужно было через проходную родительскую комнату. В родительской комнате сидели человек двенадцать ребят из Валиного класса во главе с классной руководительницей. Была там и сестра Валеры.

Классная, увидев Валу, в полном смысле слова взвизгнула:

– А тебя мы не приглашали!

Валера открыл перед Валею дверь в свою комнату, и Валя сказала:

– Да, я и не к вам.

Позднее выяснилось, что сбор класса был организован по поводу экзаменационной контрольной, которую все в классе написали очень плохо, кроме той девочки, с которой списала Валя. Учительница собрала всех своих любимчиков для того, чтобы продиктовать им контрольную со всеми решениями и исправить, таким образом, двойки на пятерки.

Валера спросил у Вали:

– Воспользуешься возможностью закопать ее?

– Нет, – ответила Валя, – пусть живет. Не хочу увидеть свою надменную алгеброичку униженной и опозоренной.

На проигрывателе закружился диск, и из колонок заиграла музыка. Качество звука оказалось великолепным по сравнению с тем, что вообще предлагалось торговлей.

Открыли дверь на балкон. В комнату ворвался шум с улицы и гармонично вписался в ритм мелодии из колонок.

Валера смотрел на Валу с такой нежностью, которую трудно ожидать от представителя мужского пола. Валя улыбнулась и спросила:

– Почему тебе не нравится Толя?

– Не только потому, что он тебя захапал. Он не сможет оценить того, что ты с ним и больше всего я боюсь, что ты когда-нибудь узнаешь, какой он на самом деле.

На несколько минут воцарилось молчание, но Валера вскоре продолжил:

– Толян пытался завязать отношения с девчонкой из своего класса. Она дала ему отворот, когда побывала в его доме. Ты всего лишь средство для того, чтобы восстановить потерянное положение в глазах общества.

– Знаю, что ты врать не станешь, поэтому слушать тебя страшно, но я уже слишком к нему прилипла.

– Чем раньше отлипнешь, тем меньше крови потеряешь, поверь и этому. Только не думай, что я тебя от него увести пытаюсь. Я не смогу ужиться уже никогда с тем, что ты ему принадлежала. Хотя, люблю тебя безумно. Жизнь продолжается.

– Кто это так сказал?

– Мая мама, когда мой отец ушел.

Валя глубоко вздохнула:

– Валера, почему в жизни не может быть все правильно и спокойно? Почему устройство одного может стать крушением для другого? И как прожить, чтобы не происходило так?

Валера ответил:

– Может быть, ты и станешь той, кому станет это понятным? Может, именно ты и раскроешь тайны человеческих взаимоотношений? Истоки слез и радости?

– Смеешься?

– Нет. Надеюсь на тебя и верю в тебя. Таких, как ты больше нет.

– Может, просто не искал? – спросила Валя.

Валера ответил:

– Таких нет. Я счастлив тем, что моя жизнь в каком-то времени соприкоснулась с твоей. Мне будет, чем жить.

– Пойдем уже?

– Пожалуй.

Валера и Валя прошли через проходную комнату в коридор. По пути Валера сказал своей сестре:

– Списывай на пятерку! Вернись, – проверю.

А через две недели состоялась школьная вечеринка по поводу сдачи экзаменов. На вечеринке присутствовала классная руководительница – алгеброичка и заискивала перед Валею, как и где только могла.

Валя вела себя так, словно ничего не произошло, и радовалась тому, что это последняя их встреча.

К Вале, когда она ставила свою подпись на общей классной фотографии, подошел Володя, с которым они с третьего класса просидели за одной партой, он аккуратно взял авторучку из Валиной руки, передал авторучку одной из девочек и увел Валию на середину зала, пригласив ее, таким образом, на медленный танец.

– Почему ты одна? – спросил Володя, обхватив девушку одной рукой за талию, а второй рукой поглажив по ее спине.

Валя ответила:

– Анатолию нечего надеть такого нарядного, чтобы прийти. Ты поосторожнее меня разглаживай, а то я не удержусь...

Володя спросил:

– Почему бы тебе не начать встречаться с тем, кому есть что надеть? И, кстати, можешь не сдерживаться. Веди себя развязно, – пошутил Володя.

Валя ответила:

– Для меня это не главное – одежда.

Володя улыбнулся:

– Именно, в сейчасной ситуации, для меня тоже...

– Володя! Рукам своим скомандуй знать рамки, – прикрикнула Валя, а Володя, словно не слышал:

– Валя. Я люблю тебя с самого третьего класса, как только тебя увидел в первый раз. Ты это прекрасно знаешь. Хочу добавить еще то, что любить тебя буду всю свою сознательную жизнь. Мне тяжело с тобой расставаться.

Валя улыбнулась:

– Спасибо, что поговорил со мной об этом. Не просто исчез. И спасибо, что сказал об этом так красиво, по-книжному.

Володя пояснил:

– Я долго эту фразу заучивал, а твоих спасибов мне не нужно, я хочу знать, что если ты не со мной, то хотя бы с тем, кто не хуже меня.

Володя остановился, прекратив танец, и добавил: – Если бы мы жили во времена средневековья, я убил бы этого Анатолия, точно.

Закончилась музыка, девушка отошла с середины зала и уже от стены смотрела на прыгающих под быструю музыку ребят. Володя танцевал с печальным выражением лица. Этот красивый парень, за которым бегало полшколы, почему-то не будоражил воображение Вали.

Володя был ровным, с отлаженным его родителями бытом и порядком. Валя должна была бы просто вписаться в этот правильный быт, если бы решила для себя с Володей остаться. С Анатолием же все нужно было начинать с нуля. По-видимому, именно это влекло приключенческую Валину натуру. Хотелось построить, поднять свой собственный мир с нуля. Да, и разве поймешь, почему остаешься именно с тем, а не с другим?

Прощальный школьный вечер закончился только под утро. Уставшая и счастливая Валя поднялась к своей квартире в лифте, стены и потолок которого был исцарапан ее именем. Она открыла дверь квартиры и тихо прошла в свою комнату под храп спящей на коврикe собаки. В комнате, не раздеваясь, рухнула на кровать и мгновенно уснула.

Проснулась только к вечеру под красивую музыку, доносившуюся с улицы. Валя сонная подошла к окну и увидела на отремонтированном заборе Валеру. Рядом, на земле стоял новый магнитофон.

Валя помахала Валере рукой, быстро умылась, переоделась и прошла в кухню, чтобы выпить кофе. В кухне Илья смотрел по телевизору мультфильм «Ну, погоди!»

– Мама тебе салат в холодильнике оставила, – буркнул Илья.

Валя открыла холодильник, выставила салат на стол и спросила:

– А ты чего такой смурной?

Илья хмыкнул:

– У твоих родителей только Валечка их любименькая! Про меня весь мир забыл.

Валя спросила:

– А у тебя что, выпускной в твоём седьмом классе? Илья повернул голову от экрана и, глядя на Валу, съязвил:

– Выпускной! Единственное событие в мире – выпускной. Более значительных событий или хотя бы равных им по степени просто быть не может!

Валя вскрикнула:

– У тебя конкурс был! И что?

Илья надулся:

– Не скажу.

Валя сурово проговорила:

– Илья, хватит выделываться, занял место, что ли какое-нибудь?

Илья молча повернулся всем торсом к телевизору и «прилип» к экрану.

Валя принялась конючить:

– Ну, скажи-и... Как ты сыграл? Что сказали?

Илья, как бы между прочим, кинул:

– Да так, первое место получил и приз зрительских симпатий.

– Вот так да! Илья! А они тебя не называли великим гитаристом?

Илья выключил телевизор, поднял высоко и горделиво подбородок и медленно проговорил:

– Не успели. Я сделал это первым. Люблю быть во всем первым.

Валя, заискивающе, спросила:

– Салатика не хочешь?

Брат фыркнул:

– Нужен мне ваш салатик от вас простых смертных...

Валя скороговоркой проговорила:

– Илья, мне нужно спешить на забор, меня там ждут, а твою победу мы как-нибудь отметим. Я теперь не просто там какая-нибудь Валя, я теперь Илюхина сестра! Ты в мемуарах своих потом не станешь, ведь про меня ничего плохого людям рассказывать? Я всегда к тебе хорошо относилась! Не забудь.

Илья почти взвизгнул:

– Да что ты говоришь?! А кто меня каждое утро дразнит за мой любимый напиток под названием какао?

Валя торжественно произнесла:

– Забудь! Этого больше не повторится никогда.

Валя подошла к Илье, поцеловала его в щечку и ушла. В лифте, исцарапанном ее именем, спустилась на первый этаж и вышла во двор. Валера спрыгнул с забора и спросил:

– Привет, как выпускной?

– Отлично. Володя мне в любви признался, а Илюха первое место занял на конкурсе гитаристов!

Валера процедил сквозь зубы, но по-доброму:

– Здоровско! А Володе лицо набью. Как тебе мой маг?

Валя потерла ладонь о ладонь:

– На кнопки можно понажимать?

Валера ответил:

– Для этого и принес, только не защекочи его, магнитофон мой. А музыку узнаешь? Я переписал тот диск. Для тебя.

Валя подняла с земли магнитофон и, рассмотрев его, спросила:

– Где ж ты его взял?

– Переплатил перекупщику одному. Не зря?

– Не зря! Смотри, Алеха с Пашкой идут!

Алеха и Паша подошли к Валере и Вале. Паша спросил:

– Зачем же ты, Валерка – дурень, технику даешь женщине в руки? Ей лишь бы на кнопки понажи-мать. Детский сад, честное слово! – С этими словами Паша отнял у Вали магнитофон и спросил:

– Это за ним ты, значит, мотался?

Паша и Леша pokrутили все реле, понажимали на все кнопки, сосчитали все выходы и входы, оценив возможности агрегата, и дружно сказали:

– Вещь!

Валера высокопарно заметил:

– Кучу денег за него переплатил.

Валя съязвила:

– А кнопки как? Которые вы тут все перенажимали?

– Валера! – покачав снисходительно головой, сказал Паша, – айда в беседку и врубай на полную!

– Меня все равно услышишь! – сказала Валя.

На улице в этот вечер до самой темноты звучала музыка из беседки садика. Запах листвы на деревьях включал импульсы радости молодости, той поры, когда все прекрасно и все будущее видится безоблачным. Наконец, Валя взглянула на часы, поднеся их к светящемуся индикатору включенного магнитофона, и сказала:

– К дому пора двигаться мне.

– Может, до рассвета уже досидишь? А то провожать тебя по темноте такой страшно, – пошутил Алексей.

– А чего бояться? Вы же не одни пойдете, а со мной, – ответила Валя.

Ребята поднялись со скамейки и пошли к дому Валентины. В лифте они успели еще раз нацарапать Валино имя.

– Ты Валя, разрушитель спокойствия, – сказал Алексей, пока Валя открывала ключом дверь в квартиру.

– Мне придавать значение этим словам, или принять их за сонный бред? – спросила Валя.

– Я не сплю. Кому-то, конечно, ты в любом случае сделаешь больно, своим выбором...

Валя мило отшутилась:

– Почему? Я ведь не смогу выбрать всех сразу? Но, по правде я не выбираю.

Папа сказал:

– Только-то выбрала?

Валентина открыла дверь, и шагнув одной ногой в квартиру, сказала:

– Я просто поддалась. Слабое существо. Женщина...

Валера прикусил губу и, сдвинув брови, спросил глубоким по-настоящему мужским голосом:

– И как оно? Быть женщиной?..

Валя ничего не ответила и скрылась в квартире, закрыв за собой дверь...

После того, как Валя стала встречаться с Толей, твердо определившись с ним, как пара, общие встречи в беседке происходили все реже и дружная компания постепенно распалась. Анатолий ревниво следил за тем, чтобы рядом с Валею не было никаких парней и никаких магнитофонов.

Валя поступила-таки в техникум, вопреки предсказаниям и угрозам своей классной. Если честно, то Валина мама знала, кому, сколько заплатить, чтобы на вступительных экзаменах шпаргалки с формулами на математике были не замечены.

Мама спросила у папы:

– Может быть, это и не очень хорошо...

На что папа твердо ответил:

– Это очень хорошо. Для нашей системы образования. Если бы можно было закончить честно три класса и идти в колледж, приобретать профессию, а дальше развиваться постепенно, то да. Было бы нехорошо и нечестно. А при нашей системе, где ты без аттестата не то, что профессию получить не сможешь, а и человеком-то не считаешься, приходится изворачиваться, чтобы выжить.

Остаток лета Валя провела в деревне у бабушки.

Это был замечательный отрезок времени. Тишина реки с булькающими в ней рыбками, ежи под крыльцом, аисты на водяной вышке, земляника, танцы в сельском клубе и конечно же настоящее молоко из настоящих коров.

Бабушка была настолько счастлива от того, что внучка приехала к ней, что только вздыхала и даже спросить о чем не знала или боялась, чтобы не испортить ощущение покоя от летнего отдыха.

– Ты красавица моя! – повторяла бабушка, любуясь своей Валенькой, – пусть Господь поможет тебе!..

1 сентября в техникуме начались занятия. Анатолий каждый день прогуливал последние уроки в своей пу-тяге, чтобы встречать Валею и дать понять каждому парню, который к ней приблизится, лучше этого не делать.

После занятий Валя и Толя вышли из метро и не сразу сели в автобус, который обычно доставлял их до самого дома, а решили прогуляться по осеннему парку.

Пожелтевшая листва шуршала под ногами. Чирикающие воробьи без устали сновали от куста к кусту, и крики играющих в песочнице детей говорили о том, что осень, всего лишь забвение, а не умирание природы и всего живого.

Красивая и яркая, а не печальная осень дарила надежду на то, что однажды, все замирающее восстановится с новой силой.

Влюбленная парочка уселась на скамейку, вокруг которой принялись играть в салочки пятилетние малыши. Их родители с умилением наблюдали за ними, сидя на скамейке, стоящей напротив.

Валя сказала:

– Я мечтаю стать такой же мамой, как моя. Она все сделала, чтобы я росла счастливой.

Анатолий сказал:

– Моя мать жила для себя. Отец все пропил, что было можно. На меня никто внимания не обращал. Вырос сам по себе. На улице. Мать только орала. У сеструхи моей привычка дебильная белье свое грязное по всей ванной разбрасывать. На рвоту тянет, как только о женщинах думаю. Только с тобой мне не противно почему-то.

Валя вздохнула:

– А мой папа, когда меня нужно было за что-нибудь наказать, специально давал мне возможность убежать или спрятаться, чтобы мне спастись от наказания. Он так учил меня предпринимать всевозможные действия к спасению.

– Меня бы убили, если б я спрятался или убежал, когда меня наказывать идут, – фыркнул Толя, – такого бы ремня получил....

– Ну, ремня мне вообще никогда не давали...

Мимо скамейки пробежала девочка и, вдруг, очень громко заплакала и остановилась. Анатолий необыкновенно весело рассмеялся, глядя на ревушую девочку, и сквозь смех сказал:

– Прямо по макушке ей тот мальчишка попал палкой! Даже шапка на бок съехала!

– Это смешно? – возмутилась Валя.

Анатолий успокоился и сказал:

– Ладно, не будем об этом. Ты дождешься меня из Армии? Я не то, чтобы против был того, что ты с кем-то в кино сходишь... Но переживать конечно, буду. Много случаев знаю, когда парней девушки не дожидались.

– А я знаю случаи, когда парни из Армии женатыми возвращались к девушкам, которые их ждали.

– Я не такой. Я однолюб. Кстати, моя сеструха попросила меня сегодня вечером с ее дочкой посидеть. Так, что у нас с тобой квартира в полном распоряжении...

Валя сказала:

– Тогда давай на остановку двигать. Мне еще домой нужно зайти успеть...

Вечером Валя и Анатолий в квартире его сестры развлекали трехлетнюю Толину племянницу. Когда стемнело, Анатолий выключил в комнате свет, а маленькую девочку попросил побыть в коридоре. Дверь в комнату закрылась и девочка расплакалась.

Валя двинулась к двери, чтобы дверь открыть, но Анатолий не позволил и под рев ребенка настойчиво добился удовольствия. Валя не смогла вырваться.

После этого она твердо решила, что не сможет больше продолжать отношения и перестала отвечать на звонки Анатолия.

В одно утро раздался звонок в квартиру. Валя открыла дверь и увидела на коврике огромный букет, в котором была вложена открытка со словом «Прости. Ухожу на фронт».

Проводить Анатолия в армию Валя пришла. Отношения были восстановлены.

В тот самый день, в который Анатолий ушел на призывной пункт, Валера позвонился к Вале в квартиру.

– Будешь Только ждать? – спросил Валера.

– Да, – ответила Валя, – Валера, я не знаю, почему прилипла к нему.

Валера, словно не слышал:

– Помню, ты все про балет нам намекала. Я вот взял билеты на завтра на «Лебединое озеро»... Пойдешь?

– А то!?

Следующий вечер Валера и Валя провели в театре. Валера не мог разглядеть ничего прекрасного в занудстве балета, но терпеливо высидел до конца и не пожалел о потерянном времени, во-первых, потому, что был с Валею, а во-вторых, потому что один мужчина, по-видимому, первый раз попавший в театр, прямо во время основного танца умирающего лебедя поднялся на сцену и вручил танцовщице, исполняющей этот танец, цветы.

Растерянность актрисы, смех публики и убийственный взгляд обложавшегося почитателя разбавили Валере ощущения скуки.

Вечер удался.

Учеба в техникуме шла своим чередом. Алгебра, которую вел преподаватель по имени Роман Николаевич, была не тем предметом, к которому относились серьезно и, поэтому решать длиннющие уравнения мало кто из студентов принимал, как задание, необходимое для выполнения, а чтобы тетради все же не были пустыми, математик просто оставлял все решение на доске, чтобы те, кто «думать не хочет» могли тупо переписать.

Именно в те часы, когда по расписанию шла алгебра, старалась администрация техникума взять учащихся на такие работы, как перетащить мебель из одного кабинета в другой или распаковать и установить новое оборудование.

Была весна. За окном чирикали суетливые воробьи, и студенты, уже успевшие «решить» уравнение, смотрели с тоской на улицу.

Валя, погруженная в конспект, услышала шёпот с дальнего стола:

« Кыш-ш-ш... » – так звали ее парни из группы.

Валя повернула голову, подобрала с пола конфетку, брошенную для нее, развернула фантик и прочитала вложенный обрывок бумаги с текстом:

– Я на перемене в чебуречную иду. Ты со мной?

Приглашение поступило от Андрея.

Роман Николаевич естественно, не мог не заметить передачи информации по аудитории и сказал Андрею:

– Ты поосторожнее, а то Валю парень высоченный встречает каждый день, он тебе ребра переломает.

Андрей невозмутимо ответил:

– Уже не переломает. Служит Отечеству.

Дверь аудитории открылась и заглянула классная руководительница:

– Роман Николаевич, Вы уж извините, но там машина пришла с новыми столами в столовую, если кто-то из ребят закончил задание, то может, они бы и разгрузили?

Роман Николаевич сдвинул брови и сердито сказал: – Почему именно на моем предмете? Мы и так никогда ничего по программе не успеваем... Это же не что-нибудь, а МАТЕМАТИКА!

– Ну, пожалуйста...

Роман Николаевич покачал головой:

– Ладно, Андрей и Игорь, если вы закончили, то придется вам пойти.

Парни выскочили из аудитории в коридор. Вернулись только к концу урока, и Роман Николаевич строго спросил:

– Почему так долго?

Андрей, удивленно пожал плечами, и ответил:

– Дело в том, что у нас, как и у всех смертных, только две руки, не много силы, а руки не такие большие, чтобы ухватить все столы сразу. Пришлось не один раз от машины до дверей техникума пробежаться.

Прозвенел звонок с урока и разговор был закончен. Андрей с Валею направились в чебуречную. Шли они дворами, по пути распугивая кошек и голубей. Андрей рассказывал анекдоты, совсем не стараясь выглядеть умными. Он наслаждался Валиным присутствием и уже в самой чебуречной, сидя за столиком, смотрел на нее, не отводя взгляда. Рядом с этим парнем девушка ощущала покой, словно находилась под папиным присмотром. Можно было ничего не бояться. В такой уютной естественной обстановке Валя ловила на себе взгляды парней и мужчин, которые сидели за соседними столиками и улыбалась им в ответ. Андрей долго сохранял спокойствие, наконец, поднялся со своего места и сказал, обращаясь к залу:

– Эта девушка пришла со мной. Не отвлекайте ее пожалуйста. У меня десять минут осталось.

Валя рассмеялась, а Андрей продолжил нежно смотреть на нее.

В техникуме парни и из других групп не давали Валентине прохода. Кто-то звал в бар, кто-то в кино, но один из парней по имени Боря оказался очень изобретательным и пригласил Валью на тусовку актеров. Сам Боря играл в вокально-инструментальной группе.

Тусовались в квартире у Бори. Он встретил Валью возле метро, чтобы благополучно доставить к своему дому. Путь пересекали три улицы и, проходя поперек одной из них, молодые люди услышали отвратительный свист.

Молодые люди остановились и посмотрели в сторону, откуда свистели.

А свистел работник ГАИ. Он подошел и, запугивающее строго, отрапортовал:

– Будьте любезны, товарищи пешеходы, пройти в наш агит автобус для проведения беседы о правилах дорожного движения!

Валя и Боря прошли вместе с работником ГАИ к автобусу и поднялись в него. В автобусе был установлен письменный стол, на котором лежала пачка буклетов с правилами дорожного движения. За столом сидел очень строгий другой работник ГАИ и сказал он:

– Присаживайтесь на скамью нарушителей, пожалуйста, и заполните вот эти бланки!

С этими словами Вале и Боре выдали какие-то листочки с графами и авторучки.

Боря взглянул на авторучку и сказал:

– А у вас нет чернильной ручки? Мне мама не разрешает писать шариковой, почерк нарушается.

– Шутки здесь не котируются! – строго оборвал работник ГАИ, – эти документы будут отправлены в администрацию ваших учебных заведений. По какому сигналу вы переходили?

– По свистку, – ответил растерянно Боря.

Валя спросила милиционера, не дав Боре закончить фразу:

– Скажите пожалуйста, а после того, как мы правильно заполним эти бланки, вы нам дадите вот эти буклетики? Уж очень они красивые. Как открытки.

Строгий ГАИшник опустил лицо, что-то сосредоточенно рассматривая в журнале, а Валя снова спросила:

– А можно спросить?

– Что спросить?

– Вопрос, – растерянно пояснила Валя, – вот тут, в подпункте 3 требуется ответить «не употреблял(ла) ли спиртные напитки», а что такое спиртные напитки?

Боря сказал Вале, заискивая перед ГАИ:

– А ты, чего не знаешь, пропускай. Правильно, товарищ милиционер?

– Я сейчас штраф вам обоим выпишу, и вникать в подпункты не придется, и буклеты не бесплатно отдам! Умники!

– Слышала? – шепнул громко Боря Вале, – строгий! Молчи лучше.

Работник Гаи, с трудом сдерживая смех, поднялся из-за стола и скомандовал своему подручному:

– Хватит! Выдай им буклеты на память и пусть идут.

Боря с Валею быстро вскочили со скамьи нарушителей и взяли со стола пачку ярких буклетов:

– Спасибо вам, дяденьки, – сказал Боря.

Выйдя на дорогу, Валя и Боря остановились перед светофором и уставились на его красный сигнал. Боря сказал Вале:

– Видишь, Валя, это светофор называется. Сейчас переходить дорогу нельзя.

– А почему? – спросила Валя.

– А потому, что нужно ждать зеленый.

– А почему?

– Так принято, Валенька, не шути.

Загорелся зеленый сигнал, и Боря взял Валию за руку и правильно перевел через дорогу.

Через минуту Валя и Боря были уже в Бориной квартире. С самого порога Боря принялся раздавать всем присутствующим буклеты с правилами дорожного движения, приговаривая:

– Там и про светофоры все написано и про переходы пешеходные и про штрафы...

Родители Бори пришли в восторг от Валентины и всячески обхаживали ее, рассчитывая на то, что она в будущем составит партию их сыну.

Обходительность самого Бориса не имела конкуренции. Так красиво подавать бокалы и приглашать на танец никто не умел, из всех, с кем Валя была знакома.

Боря очень хорошо был одет, с лоском. Запах его туалетной воды был незабываемым, и не оценить всей эффектности этого парня было бы просто не честно.

После тусовки Боря приглашал Валию на концерты, на которые было невозможно достать билеты и с каждым днем все больше привязывался к Вале, а она держала строгую дистанцию с ним, не давая забыть о том, что ждет из Армии парня.

Холодным весенним вечером Боря с Валею сидели в красивом, уютном баре. Веселый старый швейцар демонстрировал им фокусы со спичками. За соседним столиком о чем-то горячо спорили мужчины, явно не заботящиеся о том, насколько красиво они проводят время.

Обстановка накалилась настолько, что один из мужчин поднялся из-за стола, а сидел он прямо за спиной Бориса, и замахнулся пивной кружкой на своего соперника. В кружке было пиво, которое выплеснулось непосредственно на Бору.

Валя замерла, а Боря с пенным пивом, стекающим с головы на куртку, спокойно встал и повернулся к, окатившему его мужчине.

Швейцар со спичками принялся успокаивать Бору, а виновный в произошедшем, держа пустую кружку в руке, открыл рот, но не нашелся, что сказать и так и остался ждать удара в лицо.

Валя, увидев выражения лиц свидетелей, виновного и жертвы, приснула и долго ничего не могла сказать от смеха.

Боря повернулся к Вале, с осуждением глядя на ее веселье, а Валя аккуратно из-под своего пиджака стянула шарфик и принялась вытирать им Бору, который от удовольствия забыл о неудобстве быть мокрым и липким.

– Твои волосы будут теперь густыми и блестящими, – сказала Валя, убирая мокрый шарфик в сумку.

– А твои конспекты душистыми и пьянящими, – сказал Боря, – я люблю тебя.

Валя ничего не сказала.

– Ты будешь ждать меня из Армии?

– Конечно! Я уже умею это делать. Сначала Анатолия дождусь, а потом тебя.

Боря не улыбнулся на эту шутку. Он тоскливо смотрел на Валю и мало говорил. Он слушал то, что говорила Валя.

Этой же весной Бориса взяли в Армию. Валя не поняла, почему ему не дали отсрочку, но, тем не менее.

Урок НВП, то есть Начальная Военная Подготовка в техникуме был обязательным предметом, который нельзя было прогуливать. Преподавал его старый подполковник в отставке и свою воинскую выучку он изо всех сил старался внедрить во всю систему обучения в техникуме.

Лишенный всяких эмоций, этот человек-машина требовал повиновения и дисциплины. Студенты же с юмором относились к такой системе преподавания, но на занятия его всегда приходили. Было интересно разбирать и собирать автомат Калашникова и иногда удавалось попасть на стрельбище, а попадали на них именно непрогульщики.

Перед началом каждого урока группа должна была выстроиться в коридоре и громко отрапортовать в ответ на: «здравия желаю, товарищи студенты!», «здравия желаем, товарищ подполковник».

Студенты выстраивались в безупречно ровную линию и громко рапортовали: «здравия желаем, товарищ подоконник!». Военрук никогда не улавливал подвоха и оставался всегда очень довольным состоявшимся приветствием.

– Что это у вас, товарищ студент, за плечами болтается? – обратился военрук к Вале, увидев у нее новый рюкзак.

– Это, товарищ подполковник, новый стильный вещмешок под названием рюкзак, – отрапортовала Валя, – используется для переноски учебников и конспектов. Можно положить бутерброд, предварительно завернув его в лист чистой бумаги.

– Отлично! Поставьте свой рюкзак возле стола, как это обычно делают все студенты со своими сумками, иначе, не сможете качественно отработать навыки оказания первой помощи, которым посвящен сегодняшний урок.

Валя скинула рюкзак с плеч и поставила возле своего стола.

– Классный рюкзачок! – шепнула Таня, девушка, которая сидела за столом в соседнем ряду.

– Да, вчера только купила.

– Итак, – начал свой урок военрук, – сегодня вы узнаете, для чего нужны бинты, вата, пластыри и прочий медицинский арсенал бойца... бойцу.

Урок получился забавным. Ребята таскали друг друга на носилках и перебинтовывали места предполагаемых переломов.

Кто-то прибинтовал ножку стула к голеностопному суставу, кто-то под бинт на голове подложил справочник по электронике, создав причудливую пирамиду, кто-то забинтовал руку так, что пальцев оказалось по восемь на каждой ладони. После окончания урока некоторые студенты не стали себя разбинтовывать и прямо со всеми «переломами» явились на урок физкультуры, который по расписанию следовал после НВП.

Когда в выстроившемся ряду студентов физрук увидел многих в бинтах, то сначала испугался, а потом, сообразив в чем дело, вызвал военрука, который немедленно и явился.

Военрук внимательно осмотрел перебинтованных студентов и совершенно спокойно заявил:

– Именно этих ребят я видел минут двадцать назад, на своем предмете. Ко мне они пришли абсолютно здоровыми.

– И что произошло потом? – спросил физрук.

– На что вы намекаете? – испуганно спросил военрук, – товарищи студенты! Верните немедленно бинты! Мне нечем работать со следующей группой!

Студенты разбинтовали друг друга и аккуратно свернули бинты, после чего вернули военруку. Урок по физкультуре был наполовину сорван и физрук, ничего не успев провести по плану, под конец занятия скомандовал:

– Товарищи студенты, бывшие забинтованные! Выйдите на середину зала!

Парни вышли, а физрук скомандовал:

– Заканчивается семестр. Мне нужно выставять оценки. Предлагаю: кто из вас больше всех отождествится, тому я выставлю пятерку!

Андрей решительно шагнул вперед, словно одним из первых решил отработать оценку, но, не сбавляя темпа, прошел мимо физрука в сторону раздевалки, сказав на ходу остальным ребятам:

– Удачи вам, парни!

Вся группа последовала из спортзала.

После занятий Валя вышла из дверей техникума и попала под сильный дождь. Черные ремни на новом рюкзаке оказались красящимися. Черная краска с них поплыла по плащу.

Когда Валя пришла домой, то первым делом, даже не успев просохнуть, села за свой письменный стол и написала гневное послание производителю рюкзаков, назвав его юмористом. Списав с этикетки адрес этого юмориста, девушка заклеила конверт, упаковала в пакет закрасившийся рюкзак и прошла в кухню, где Илья смотрел мультики.

– С собакой когда пойдешь гулять, зайди на почту. Отправь бандерольку.

Илья сказал:

– Ты забыла сдобрить свою заявку просящим «ладно?»

– Ладно? – уточнила Валя.

– Ладно, – ответил Илья, – а что там?

– Жалоба.

Вся учеба в техникуме была для Вали веселым приключением в ее жизни. Преподаватели уважительно относились к студентам, не притесняя никого и никого не выделяя. Атмосфера достоинства царила в этом учебном заведении, где каждый, кто хотел, имел возможность получить наилучший результат от своего умственного труда. По всей обстановке совершенно не понятно как возникла ситуация, которая могла нарушить ритмичный ход учебы Валентины.

Начался третий курс. К предметам, которые изучались в техникуме, добавились, так называемые, мастерские. На этих мастерских студенты учились проводить электрические цепи на специальных стендах, разбирать и ремонтировать телефонные аппараты. Преподавателем мастерских был некий Иван Иванович, а лаборанткой у него была бывшая студентка техникума, недавняя выпускница Люба.

Иван Иванович не очень любил свою работу и полностью предоставлял ее Любе. Она же видела в студентах объекты, на которых можно упражняться в силе своего влияния. Лаборантка потребовала называть себя по имени и отчеству и команды «К доске!», «Закрой рот!», «Пошел!», «Сел!» были ее формой общения с плебеями под названием «студенты».

Через определенную порцию терпения, Люба эта опротивела всем и подчиняться ей отказались тоже и дружно все, но зачинщицей обозначилась Валя, когда сказала:

– Люба, я со своей собакой не позволяю себе разговаривать в таком тоне, как ты с нами. Может, переменишь манеру общения?

Люба взвизгнула:

– Еще одно слово и пойдешь с директором разговаривать!

Валя спросила:

– А за два слова, куда ты меня отправишь?

– Не «ты», а «вы!».

Валя объяснила:

– При взаимном уважении, возможно, но не в твоём случае.

Конфликт нарастал с каждым днем, потому, как сломить Валино противостояние Люба пыталась каждый день. Она отказывалась ставить зачеты, пыталась выставить студентов за дверь и однажды заявила, что отказывается работать с этой группой, пока в ней Валентина. Жалоба поступила в деканат, и в один из дней советом техникума было принято решение Валю исключить. Люба оказалась чьей-то там дочкой. Классная руководительница группы объявила на классном часе о решении совета и о том, что Валя должна явиться на повторный совет.

Ожидалось, что вся группа после этого присмирееет, а вместе с ней и остальные группы, но не тут-то было! Весть о том, что Валю исключают, разнеслась по всему техникуму и в день, в который был собран совет, этаж, на котором располагался кабинет управления техникумом, оказался заполненным студентами с нескольких курсов. Студенты группы, в которой училась Валя, составили заявление о том, что если Валю исключат, то вся группа расформировывается. Подписи поставили под заявлением все студенты группы. Техникумовский совет в растерянности не начинал заседание, пока не разойдутся студенты, а студенты не расходились, требуя, чтобы совет проводился в их присутствии. На часах было уже шесть часов вечера, а с места не двигались даже те, кто приезжали на учебу из пригородов. В коридоре народа только прибавлялось, когда новые и новые студенты узнавали, в чем дело.

Завтехникумом, единственный человек, которого боялись абсолютно все, и о котором было известно, что это не человек, а монстр, ненавидящий все, что проявляет признаки независимой жизни, впервые был по-настоящему растерян.

Наконец, ближе к восьми часам вечера завтехникумом пригласил Валю для разговора. В кабинете, в присутствии деканата и некоторых других держателей власти, он спросил:

– В чем заключается конфликт?

– В хамстве лаборанта, – спокойно ответила Валя. Лаборант Люба съежилась, а Валя продолжила:

– Взрослые преподаватели со стажем и с огромным запасом знаний обращаются к нам вежливо, а Люба команды собачьи отпускает. На занятиях все сидят в напряжении, ожидая очередных оскорблений. Она по должности кто? Лаборант? Пусть помогает общему делу.

Зав. внимательно посмотрел на Любу и вежливо попросил Валю выйти в коридор. Валя вышла, а в коридоре зашумели собравшиеся студенты. Валя же сказала им:

– Даже если вылечу из техникума, счастливая вылечу после вашей солидарности такой... Я и не думала...

Дверь кабинета, в котором заседал совет, открылась и в коридор вышла классная руководительница. Она сказала:

– Любе влетело хорошо, а вопрос о твоём, Валя, исключении снят.

В коридоре началось веселье и толпой все студенты направились в гардероб, по дороге выкрикивая:

– А то ишь, по-тихому расправиться захотели!

Подскочил к Вале Андрей и спросил:

– Хочешь печенье? У меня пол пачки осталось.

– Нет, не хочу.

– Правильно! – крикнул Игорь, – нужно круче отметить это событие!

Студенты собрали у кого какие были деньги и направились в пельменную. Там за столами шумно обсуждали произошедшее событие. Пельмени, политые уксусом и кетчупом уничтожались в огромном количестве.

Когда застолье закончилось, Валя обнаружила, что у нее в кармане всего три копейки осталось, а ей ехать до дома нужно было на метро и на автобусе, каждый из этих проездов стоил по пять копеек.

Оценив достоинство пропускного механизма Метро, решила отправиться на двух автобусах, а три копейки опустить уже во втором автобусе, чтобы хоть как-то компенсировать расходы городской администрации на общественный транспорт, при этом, билет, естественно, не отрывать.

В первом автобусе проезд был осуществлен благополучно «зайцем», а во втором автобусе объявился контроль. Причем, очень неожиданно для такого позднего часа. Валя в этот момент вместе со всеми пассажирами смотрела в окно на двух пьяных мужиков, которые оба держались за один фонарный столб, выставив табуретками свои зады. Картина была до безудержу смешная и все пассажиры автобуса, пока сам автобус стоял на остановке, от души хохотали.

Пьяные эти с совершенно серьезным видом пытались оттолкнуться от столба, чтобы дойти до подъехавшего автобуса, но, как только отрывали от столба руки, сразу падали и снова судорожно вцеплялись в столб, а к Вале подошли два широкоплечих мужчины с повязками на руках, гласящих надписью о том, что они и есть «контроль».

- Ваш билетик! – торжественно проговорил один из мужчин.
- У меня его нет, – с достоинством ответила Валя, оторвав взгляд от окна.
- Тогда оплатите штраф или покиньте автобус!
- А если я предложу третий вариант, который называется «объяснить»?
- Попробуйте. Объясните.

Валя разжала кулак, в котором пряталась монетка достоинством в три копейки и сказала:

– Это все, что у меня есть. Ехать мне необходимо. Я спланировала после окончания поездки, при условии, если водитель благополучно доставит меня до нужной остановки, опустить эту монетку в кассу, не отрывая билет. Таким образом, я в какой-то степени оплатила бы свой проезд.

Широкоплечие мужчины молча переглянулись, и один из них сказал:

- Ладно, при нас опустите монетку в кассу и можете ехать дальше.
- Спасибо, – сказала Валя и опустила монетку в кассу.

Уже дома Валя тихо зашла в комнату к брату и очень ласково спросила:

– Хочешь, я тебе какао сварю? По всем правилам. Илья отставил в сторону гитару и спросил:

- Что, весь недельный денежный лимит спустила?
- У меня был серьезный повод.

Илья пошарил в карманах куртки и протянул сестре две монеты по пятнадцать копеек, сказав:

– Это все, что у меня осталось. Сам не знаю, как до субботы доживу, но мне, хоть, на транспорте ехать не надо, так, что владей! Кстати, там тебе бандероль пришла.

Валя вошла в свою комнату и увидела на кровати бандероль. Это был новый рюкзак от юмориста-производителя, с уже не черными, а коричневыми не красящимися ремнями.

На следующий день Валя до техникума доехала, но поесть было не на что, и она подошла к Андрею:

- Помнишь, ты вчера сказал мне, что у тебя есть печенье, а я ответила, что не хочу?
- Помню, – ответил Андрей.
- А давай, попробуем еще раз и я скажу, что хочу. Андрей вздохнул тяжело и сказал:
- Ох, уж, мне эти попрошайки... Ладно, пойдем в столовку, я оплачу твою пайку студенческую. Кстати, ты в курсе, что по ЭПП [электропроводниковые приборы], поставят двойку каждому, кто наизусть не знает параметры, о которых на прошлом уроке говорилось?

Валя с Андреем, не прерывая разговора, спустились по лестнице в столовую и заняли столик.

– Не может быть! Этого не реально запомнить.

– В параллельной группе практически всем, пару вклеили в журнал, – добавил Андрей.

Плотненько перекусив, Валя сказала «спасибо» и спешно направилась к аудитории, в которой преподавался предмет ЭПП. Там она на лампе, которая была прикреплена прямо над доской, аккуратно вырисовала карандашом все параметры, которые требовалось знать наизусть.

Перед началом урока Валя предупредила студентов, где искать помощь в трудную минуту опроса и в заданное расписанием время, как и все остальные студенты группы, заняла свое место за своим столом.

Преподаватель вошел в весьма разгневанном настроении и с ходу принялся одного за другим из студентов вызывать к доске, требуя каждого выдать в полной форме при помощи мела, очень трудно запоминающиеся параметры. Когда каждый вызванный к доске студент, безупречно правильно и без тени смущения выдал то, о чем спрашивалось, преподаватель растерянно сказал:

– Хорошо, достаточно опроса, перейдем к новой теме. Сегодня мы поговорим о проводниковых металлах. Я дам вам на столы несколько образцов, а вы передадите по рядам друг другу.

Разглядывать кусочки металла оказалось очень даже веселым занятием и студенты, довольно кропотливо изучали каждый образец, вертя их в руках. Дошла очередь и до Вали. На ее стол был положен кусочек «метала».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.